

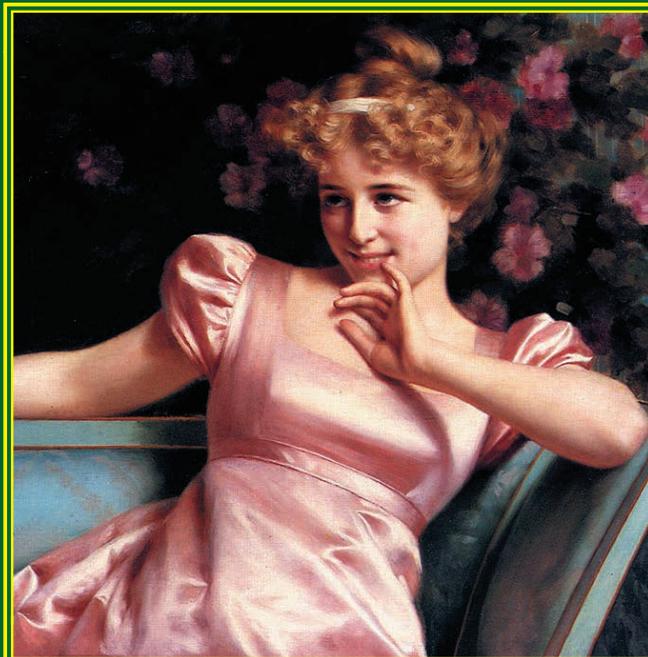

Дама с камелиями
Предводитель волков

А. Дюма-сын
А. Дюма-отец

Александр Дюма-сын
Александр Дюма-отец

Дама с камелиями
Предводитель волков

ISBN серии

ISBN 978-617-12-4211-1

9 786171 124211

www.bookclub.ua

ISBN 978-617-12-6278-2

9 786171 126278

ШЕДЕВРЫ МИРОВОЙ
КЛАССИКИ

А. ДЮМА-СЫН, А. ДЮМА-ОТЕЦ

ДАМА
С КАМЕЛИЯМИ.
ПРЕДВОДИТЕЛЬ
ВОЛКОВ

Романы

ХАРЬКОВ КЛУБ
2019 СЕМЕЙНОГО
ДОСУГА

УДК 821.133.1
Д96

Никакая часть данного издания не может быть
скопирована или воспроизведена в любой форме
без письменного разрешения издательства

Печатается по изданиям:

Дюма А., сын. Дама с камелиями / Александр Дюма-сын. —
Воронеж: Изд-во Воронежского университета, 1992.
Дюма А., отец. Предводитель волков / Александр Дюма-отец. —
Харьков: Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 2008.

Перевод с французского *С. Антик, Е. Еременко*

Предисловие *Жюля Женана, А. И. Куприна*

Дизайнер обложки *Владлен Трубчанинов*

В оформлении обложки использована иллюстрация
Витторио Реджанини (1858—1938) «Юная красавица»

ISBN 978-617-12-4211-1 (серия)
ISBN 978-617-12-6278-2

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», издание на русском языке, 2019
© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», художественное оформление, 2019

АЛЕКСАНДР ДЮМА-СЫН

МАРИ ДЮПЛЕССИ

В тысяча восемьсот сорок пятом году, в эпоху благоденствия и мира, когда молодая Франция была осыпана всеми дарами ума, таланта, красоты и богатства, в Париже проживала молодая, замечательно красивая и привлекательная особа; где бы она ни появлялась, все, кто видел ее в первый раз и не знал ни имени, ни профессии, обращали на нее почтительное внимание. И действительно: у нее было самое безыскусственное, наивное выражение лица, обманчивые манеры, смелая и вместе с тем скромная походка женщины из самого высшего общества; лицо у нее было серьезное, улыбка значительная, и при виде ее можно было повторить слова Эллевью об одной придворной даме: не то кокетка, не то герцогиня.

Увы, она не была герцогиней и родилась на самом низу общественной лестницы; нужно было иметь ее красоту и привлекательность, чтобы в восемнадцать лет так легко перешагнуть через первые ступени. Помню, я встретил ее в первый раз в отвратительном фойе одного бульварного театра, плохо освещенного и переполненного шумной публикой, которая обыкновенно относится к мелодраме, как к серьезной пьесе. В толпе было больше блузок, чем платьев, больше чепцов, чем шляп с перьями, и больше потрепанных пальто, чем свежих костюмов; болтали обо всем: о драматическом искусстве и о жареном картофеле; о репертуаре театра Жимназ и о сухарях в театре Жимназ; но когда в этой странной обстановке появилась та женщина, казалось, что взглядом своих прекрасных глаз она осветила все эти смешные и ужасные вещи. Она так легко прикасалась ногами к неровному паркету, как будто в дождливый день переходила бульвар;

она инстинктивно приподнимала платье, чтобы не коснуться засохшей грязи, вовсе не думая показывать нам свою стройную, красиво обутую ножку в шелковом ажурном чулке. Весь ее туалет гармонировал с ее гибкой и юной фигуркой; прелестный овал слегка бледного лица придавал ему обаяние, которое она распространяла вокруг себя, словно какой-то необыкновенно тонкий аромат.

Она вошла, прошла с высоко поднятой головой через удивленную толпу и — представьте себе наше удивление, Листа и мое, — фамильярно села на нашу скамейку, хотя ни Лист, ни я не были с ней знакомы; она была умная женщина, со вкусом и здравым смыслом, и первая заговорила с великим артистом; она сказала ему, что слышала его недавно и что он очаровал ее. Он, подобный звучным инструментам, которые отвечают на первое дуновение майского ветерка, слушал со сдержанным вниманием ее слова, полные содержания, звучные, красноречивые и мечтательные по форме. Со свойственным ему поразительным тактом и привычкой вращаться как среди официального мира, так и среди артистического, он задавал себе вопрос, кто эта женщина, такая фамильярная и вместе с тем такая благородная, которая первая с ним заговорила, но после первых же слов обращалась с ним несколько высокомерно, как будто он был ей представлен в Лондоне, при дворе королевы или герцогини Сутерландской?

Однако в зале уже прозвучали три торжественных удара режиссера, и в фойе не осталось никого из публики и критиков. Только незнакомая дама оставалась со своей спутницей и с нами, — она под села даже поближе к огню и поставила свои замерзшие ножки так близко к поленьям, что мы свободно могли рассмотреть ее всю, начиная с вышивки ее юбки и кончая локонами прически; ее рука в перчатке была похожа на картинку, ее носовой платок был искусно обшит королевскими кружевами; в ушах у нее были две жемчужины, которым могла бы позавидовать любая королева. Она так носила все эти вещи, как будто родилась в шелку и бархате, под золоченой кровлей, где-нибудь в великолепном предместье, с короной на голове, с толпой льстецов у ног. Ее манеры гармонировали с разговором,

мысль — с улыбкой, туалет — с внешностью, и трудно было бы отыскать на самых верхах общества личность, так гармонизировавшую со своими украшениями, костюмами и речами.

Лист был очень удивлен таким чудесным явлением в подобном месте, таким приятным антрактом в этой ужасной мелодраме и разошелся. Он был не только величайший артист, но и очень красноречивый собеседник. Он умел разговаривать с женщинами и, как они, переходил от одной идеи к другой, прямо противоположной. Он обожал парадоксы и то касался серьезных материй, то смешных; я не сумею вам описать, с каким искусством, с каким тактом, с каким безграничным вкусом он вел с этой незнакомкой обычный, немного вульгарный и в то же время чрезвычайно изящный разговор.

Они разговаривали так в продолжение всего третьего акта мелодрамы, а ко мне обращались только два раза из вежливости; я находился как раз в это время в том скверном настроении, когда человеческая душа не поддается никакому восторгу, и был уверен, что незнакомая дама считает меня очень скучным и глупым, в чем она была совершенно права.

Зима прошла, прошло лето, а осенью на блестящем бенефисном спектакле в опере мы вдруг увидели, как шумно открылась большая ложа в бельэтаже, и там появилась с букетом в руках та самая красавица, которую я видел в бульварном театре. Это была она! Но на этот раз — в роскошном туалете модной женщины, сверкая блеском победы. Она была восхитительно причесана, ее прекрасные волосы были переплетены бриллиантами и цветами и так грациозно зачесаны, что казались словно живыми; у нее были голые руки и грудь, и на них сверкали ожерелья, браслеты, изумруды. В руках у нее был букет, не сумею сказать какого цвета; нужно иметь глаза молодого человека и воображение ребенка, чтобы различить окраску букета, над которым склоняется красивое лицо. В нашем возрасте замечают только щеки и глаза и мало интересуются всем остальным, а если стремятся сделать какие-нибудь выводы, то их черпают в самом человеке, и это доставляет немало труда.

В этот вечер Дюпрэ начал борьбу со своим непокорным голосом, окончательный бунт которого он уже предчувствовал; но он

один это предчувствовал, большая публика этого и не подозревала. Только немногие любители угадывали усталость, скрытую под искусными приемами, и истощение артиста от колоссальных усилий лгать перед самим собой. По-видимому, прекрасная дама, о которой я говорю, была такой ценительницей: послушав несколько минут очень внимательно и не поддавшись обычному очарованию, она энергично отодвинулась в глубину ложи, перестала слушать и начала с лорнетом в руках изучать публику.

Вероятно, она многих знала среди избранной публики этого спектакля. Судя по движению ее лорнета, легко было заключить, что молодая женщина могла рассказать многое о молодых людях с самыми громкими именами; она смотрела то на одного, то на другого, без разбора, не выделяя никого своим вниманием, равнодушная ко всем, — и каждый отвечал ей на оказанное внимание улыбкой, или быстрым поклоном, или мимолетным взглядом. Из глубины темных лож и мест оркестра к прекрасной женщине летели другие взоры, пламенные, как вулкан, но их она не замечала. Но когда ее лорнет случайно попадал на дам из настоящего общества, она внезапно принимала такой покорный и жалкий вид, что было больно на нее смотреть. И наоборот, она с горечью отворачивалась, если по несчастной случайности ее взор падал на красавиц, пользующихся сомнительной известностью и занимающих самые лучшие места в театре в большие дни. Ее спутник (на этот раз у нее был кавалер) был очень красивый молодой человек, наполовину парижанин, сохранивший еще некоторые остатки отцовского состояния, которые он съедал день за днем в этом погибельном городе. Этот начинавший жить молодой человек гордился своей спутницей, достигшей апогея красоты, с удовольствием афишировал свое право собственности на нее и надоедал ей всевозможными знаками внимания, которые так приятны молодой женщине, когда они исходят от милого сердцу любовника, и так неприятны, когда не встречают взаимности... Она его слушала, не слыша, и смотрела на него, не видя... Что он говорил? Она не знала; но она старалась отвечать, и эти бессмысленные слова утомляли ее.

Таким образом, сами того не подозревая, они были не одни в ложе, стоимость которой равнялась полугодичному пропитанию

целой семьи. Между ней и ним возник обычный спутник больных душ, уязвленных сердец, изможденных умов: скука, этот Мефистофель заблудших Маргарит, павших Кларисс, всех этих богинь, детей случая, которые бросаются в жизнь без руля и без ветрил.

Она, эта грешница, окруженная обожанием и поклонением молодости, скучала, и эта скука служила ей оправданием, как искупление за скоро преходящее благоденствие. Скука была несчастьем ее жизни. При виде разбитых привязанностей, сознавая необходимость заключать мимолетные связи и переходить от одной любви к другой, — увы! — сама не зная почему, заглушая зарождающееся чувство и расцветающую нежность, она стала равнодушной ко всему, забывала вчерашнюю любовь и думала о сегодняшней любви столько же, сколько и о завтрашней страсти.

Несчастливая, она нуждалась в уединении... И всегда была окружена людьми. Она нуждалась в тишине... и воспринимала своим усталым ухом беспрерывно и бесконечно все одни и те же слова. Она хотела спокойствия... ее увлекали на празднества и в толпу. Ей хотелось быть любимой... ей говорили, что она хороша! Так она отдавалась без сопротивления этому беспощадному водовороту! Какая молодость!.. Как понятны становятся слова мадемуазель де Ланкло, которые она произнесла с глубоким вздохом сожаления, достигнув сказочного благополучия, будучи подругой принца Кондэ и мадам Ментенон: «Если бы кто-нибудь предложил мне такую жизнь, я бы умерла от страха и горя».

Опера кончилась, прелестная женщина встала, хотя вечер был еще в полном разгаре. Ждали Буффэ, мадемуазель Дежазе и актеров из Пале-Рояля, не говоря уже о балете, в котором должна была выступать Карлотта, прелестное и грациозное создание, переживающее первые дни восторга и поэзии... Она не хотела дожидаться водевиля; ей хотелось сейчас же уехать домой, хотя остальную публику ожидали еще несколько часов удовольствия, под звуки музыки и при свете ярких люстр.

Я видел, как она вышла из ложи и сама накинула на себя шубу на горностаевом меху. Молодой человек, который ее сопровождал в театр, казалось, был недоволен, и так как теперь ему не перед кем было хвастаться этой женщиной, то он и не беспокоился больше о ней. Помню, что я помог ей укутать ее

белые плечи, и она посмотрела на меня, не узнавая, с горькой улыбкой, которую перевела потом на молодого человека, расплачивающегося в это время с портьершей, требуя у нее пять франков сдачи.

— Сдачу оставьте себе, — сказала она портьерше, приветливо кивнув ей головой.

Я видел, как она спустилась по большой лестнице с правой стороны, ее белое платье резко выделялось под красным пальто, а шарф, покрывавший голову, был завязан под подбородком, ревнивое кружево падало ей на глаза, но кого это трогало! Эта женщина уже сыграла свою роль, ее рабочий день был окончен, и ей не к чему было думать больше о своей красоте. Наверное, в эту ночь молодой человек не переступил порог ее комнаты...

Должен отметить одну очень похвальную вещь: эта молодая женщина пригоршнями разбрасывала золото и серебро, увлекаемая как своими капризами, так и своей добротой, и мало ценя эти печальные деньги, которые ей доставались так тяжело; но вместе с тем она не была виновницей ни разорений, ни карточной игры, ни долгов, не была героиней скандальных историй и дуэлей, которые, наверное, встретились бы на пути других женщин в ее положении. Наоборот, вокруг нее говорили только о ее красоте, о ее победах, о ее хорошем вкусе, о модах, которые она выдумывала и устанавливала. Говоря о ней, никогда не рассказывали об исчезнувших состояниях, тюремных заключениях за долги и изменах, неизбежных спутниках потемок любви. По-видимому, вокруг этой женщины, так рано умершей, создалось какое-то тяготение к сдержанности, к приличию. Она жила особой жизнью даже в том обособленном обществе, к которому она принадлежала, в более чистой и спокойной атмосфере, хотя, конечно, атмосфера, в которой она жила, все губила.

В третий раз я ее встретил на освящении Северной железной дороги, на празднествах, которые Брюссель устраивал Франции, ставшей его соседкой и сотрапезницей. Бельгия собрала на вокзале, этом центральном пункте всех северных железных дорог, все свои богатства: растения из своих оранжерей, цветы из своих садов, бриллианты своих корон. Невероятная смесь всевозможных мундиров и лент, бриллиантов и газовых платьев заполняла место

небывалого праздника. Французское пэрство и немецкое дворянство, испанская Бельгия, Фландрия и Голландия, разукрашенные старинными драгоценностями, современными Людовику XIV, представители больших, солидных промышленных фирм, масса изящных парижанок, похожих на бабочек в пчелином улье, слетелись на этот праздник промышленности и путей сообщения, покоренного железа и огня. Здесь беспорядочно были представлены все силы и красоты творения, от дуба до цветка, от каменного угля до аметиста. Среди толпы различных народностей, королей, принцев, артистов, кузнецов и европейских кокоток мы увидели, или, вернее, я увидел эту прелестную женщину, еще более побледневшую, чем раньше, уже сраженную невидимым злом, которое влекло ее к могиле.

Она попала на этот бал, несмотря на свое имя, благодаря своей ослепительной красоте. Она привлекала всеобщее внимание, ей выражали восторг. Листивый шепот провожал ее на всем пути, и даже те, кто ее знали, склонялись перед ней; как всегда, спокойная и презрительно замкнутая, она принимала эти восторги, как нечто должное. Она спокойно ступала по коврам, по которым ступала сама королева. Не один принц останавливался перед ней, и его взгляды легко могла понять любая женщина: я преклоняюсь перед вашей красотой и удаляюсь с сожалением. В этот вечер ее вел под руку новый незнакомец, белокурый, как немец, бесстрашный, как англичанин, изысканно одетый, очень корректный, очень замкнутый; по-видимому, он считал свой поступок проявлением большой смелости, в которой мужчины упрекают себя потом до самой смерти.

Вероятно, поведение этого человека было неприятно впечатлительной особе, которую он вел под руку; она угадывала его своим шестым чувством и удваивала свою надменность; ее чудесный инстинкт подсказывал ей, что чем больше этот человек удивляется своему поступку, тем сильнее должна возрастать ее дерзость и презрение к угрызениям совести этого жалкого парня. Немногие понимали страдания, которые переживала в этот момент она, женщина без имени, которую вел под руку человек без имени; казалось, он подавал сигнал общему неодобрению, и всем своим угрожающим поведением ясно выказывал свою беспокой-

ную душу, нерешительное сердце и смущенный ум. Но этот англо-немец был жестоко наказан за свою скрытую тревогу; на повороте аллеи, залитой светом, наша парижанка встретила своего друга, неприятельного друга, который получал время от времени кончики ее пальцев для поцелуя и улыбку на ее губах.

— Вы здесь, — воскликнула она, — дайте мне руку и пойдем танцевать!

И, бросив руку своего официального кавалера, она начала танцевать вальс в два па, полный соблазна, когда его танцуют под музыку Штрауса, так, как его танцуют на берегах немецкого Рейна, его настоящей родины. Она танцевала очаровательно, не особенно быстро, не особенно наклонялась, послушная внутреннему ритму и внешнему темпу, едва касаясь легкой ножкой гладкого пола, мерно подсакивая, не сводя глаз со своего кавалера.

Около них образовался круг, и то одного, то другого касались прелестные волосы, развевавшиеся в такт быстрого вальса, и легкое платье, пропитанное нежными духами, мало-помалу круг становился все теснее и теснее, другие танцоры останавливались, чтобы посмотреть на них, и само собой случилось, что высокий молодой человек, который привел ее на бал, потерял ее в толпе и тщетно искал ту, которой он с таким отвращением предложил свою руку... Нельзя было найти ни этой женщины, ни ее кавалера.

На другой день после этого праздника она приехала из Брюсселя в Спа прекрасным утром, когда горы, поросшие зеленью, пропускают солнце. В этот час сюда стекаются все счастливые больные, которые стремятся отдохнуть от развлечений прошлой зимы, чтобы лучше подготовиться к развлечениям будущей. В Спа знают только одну лихорадку — бальную, только одну тоску — разлуки, только одно лекарство — болтовню, танцы и музыку, и волнения игры вечером, когда укрепления сверкают всеми огнями, когда горное эхо повторяет на тысячи ладов чарующие звуки оркестра. В Спа парижанку приняли с редким вниманием для этой немного дикой деревни, которая охотно уступает Бадену — своему сопернику — красавиц без имени, без мужа и без положения. Все были чрезвычайно удивлены в Спа, когда узнали, что эта молодая женщина серьезно больна, и опечаленные

врачи признались, что они редко встречали больше покорности, соединенной с большим мужеством.

Ее очень внимательно, старательно выслушали и после серьезного совещания предписали покой, отдых, сон, тишину, одним словом, все, о чем она мечтала для себя. Услышав эти советы, она улыбнулась, недоверчиво покачав головой, — она знала, что все было возможно, кроме этих счастливых часов, удела только некоторых избранных женщин. Она обещала однако слушаться в течение нескольких дней и подчиниться этому спокойному режиму. Но тщетные усилия! Через некоторое время ее видели пьяной и безумно веселой деланным весельем, верхом на лошади, на самых опасных дорожках, удивляющей своим весельем ту самую аллею «Семи часов», которая так недавно ее видела мечтательно читающей в тени деревьев.

Скоро она стала львицей этих прекрасных мест. Она царила на всех празднествах; оживляла балы; она предписывала программу оркестру, а ночью, когда сон принес бы ей так много пользы, она пугала самых бесстрашных игроков грудами золота, которые вырастали перед ней и которые она сразу теряла, равнодушная к выигрышу, как и к проигрышу. Она считала игру придатком своей профессии, средством убивать часы, которые убивали ее жизнь. Несмотря ни на что, у нее оставался еще большой козырь к жестокой жизненной игре, у нее были друзья, хотя обычно эти мрачные связи оставляют после обожания только прах и пыль, суету и ничтожество! И как часто любовник проходит мимо своей возлюбленной, не узнавая ее, и как часто любовница тщетно призывает на помощь!.. Как часто рука, привыкшая к цветам, тщетно просит милостыни и черствого хлеба!..

С нашей героиней этого не было, она пала, не жалуясь, и, упав, нашла помощь, поддержку и покровительство среди страстных обожателей ее лучших дней. Эти люди, которые были соперниками и, может быть, врагами, соединились у изголовья больной, чтобы искупить безумные ночи добродетельными ночами, когда приблизится смерть, разорвется завеса, и жертва, лежащая на одре, и ее соучастники поймут, наконец, правдивость слов: «*Vae ridentibus!* Горе смеющимся! Горе!» Иначе говоря, горе пустым радостям, горе несерьезным привязанностям, горе непостоянным

страстям, горе юности, заблудившейся на дурных дорогах, ибо придет время, когда придется вернуться обратно и пасть в бездну, неизбежную в двадцать лет.

Она умерла, нежно убаюканная и утешенная бесконечно трогательными словами, бесконечными братскими заботами, у нее не было больше любовников... Никогда у нее не было столько друзей, и вместе с тем она без сожаления расставалась с жизнью. Она знала, что ее ждет, если к ней вернется здоровье, и что придется снова поднести к своим бескровным губам чашу наслаждения, гущи которой она слишком рано вкусила; она умерла, молча, еще более сдержанная в смерти, чем была в жизни; после всей роскоши и скандалов хороший вкус подсказал ей желание быть погребенной на рассвете, в уединенном, неизвестном месте, без шума, без хлопот, как честная мать семейства, которая соединяется на этом кладбище со своим мужем, своим отцом, своей матерью и своими детьми, со всем, что она любила.

Однако, помимо ее воли, ее смерть была как бы событием! О ней говорили в течение трех дней; а это много в этом городе пылких страстей и непрерывных праздников. Через три дня открыли запертую дверь ее дома. Окна, выходившие на бульвар, как раз напротив церкви св. Магдалины, ее покровительницы, снова впустили воздух и свет в эти стены, где она умерла. Казалось, что молодая женщина снова появится в этом жилище. Не осталось никаких следов смерти ни в складках шелковых занавесей, ни в длинных драпировках необыкновенного оттенка, ни на вышитых коврах, где цветок, казалось, рождался под легкой ногой ребенка.

Все в этих роскошных покоях стояло еще на своих местах. У изголовья скамеечка сохранила отпечаток колен человека, закрывшего ей глаза. Старинные часы, показывавшие время мадам Помпадур и мадам дю Барри, показывали время и теперь; в серебряных канделябрах были вставлены свечи, оправленные для последней беседы; в жардиньерках боролись со смертью розы и выносливый вереск. Они умирали без воды... Их госпожа умерла без счастья и надежды.

Увы! На стенах висели картины Диаца, которого она признала одна из первых как истинного художника весны.

Все еще говорило о ней! Птицы распевали в золоченой клетке; в шкафах Буль¹, за стеклами виднелись поразительные коллекции: редкие шедевры Севрской фабрики, самые лучшие саксонские рисунки эмали Петито, работы Буше, безделушки. Она любила грациозное, кокетливое, изящное искусство, где порок не лишен ума, где невинность показывает свою наготу; она любила флорентийскую бронзу, эмаль, терракоту, все изощрения вкуса и роскоши упадочного времени. В них она видела эмблему своей красоты и своей жизни. Увы! Она тоже была бесполезным украшением, фантазией, легкомысленной игрушкой, которая ломается при первом ударе, блестящим продуктом умирающего общества, перелетной птицей, быстротечной звездой.

Она так хорошо изучила искусство ухода за самой собой, что ничто не могло сравниться с ее платьями, с ее бельем, с мелкими принадлежностями ее туалета; уход за красотой был, по-видимому, самым ценным и самым приятным занятием ее юности.

Я слышал, как самые знатные дамы и самые искусные кокетки удивлялись изощренности и изысканности всех ее туалетных принадлежностей. Ее гребень был продан за сумасшедшую цену; ее головная щетка была продана чуть ли не на вес золота. Продавались даже ее поношенные перчатки, настолько была хороша ее рука. Продавались ее поношенные ботинки, и порядочные женщины спорили между собой, кому носить этот башмачок Золушки. Все было продано, даже ее старая шаль, которой было три года; даже ее пестрый попугай, напевавший довольно печальную мелодию, которой научила его госпожа; продали ее портреты, продали ее любовные записочки, продали ее лошадей — все было продано, и ее родственники, которые отворачивались от нее, когда она проезжала в своей карете с гербами, на прекрасных английских скакунах, с торжеством завладели всем золотом, которое очистилось от этой продажи.

¹ Стиль Буль (Bouille) появился во Франции в XVIII веке. Французская мебель достигает своего расцвета именно в этот период. Название стиля Буль происходит от имени мастера художественной мебели Андре Шарля Буля (Bouille). (*Здесь и далее примеч. авт., если не указано иное.*)

Целомудренные люди! Они себе ничего не оставили из вещей, принадлежавших ей.

Такова была эта исключительная женщина, даже по парижским нравам, и вы поймете мое удивление, когда появилась эта интересная книга, полная такой жизненной правды: «Дама с камелиями». О ней заговорили сначала, как говорят обычно о страницах, запечатленных искренним чувством молодости, и все с удовольствием отмечали, что сын Александра Дюма, едва окончивший коллеж, шел уже верным шагом по блестящим следам своего отца. У него были отцовская живость и впечатлительность; у него был отцовский живой стиль, быстрый и не лишенный естественного диалога, легкого и разнообразного, придающего романам этого великого мастера прелесть, вкус и характер комедии.

Итак, эта книга имела большой успех; читатели вскоре поняли, что «Дама с камелиями» не висела в воздухе, что эта женщина должна была жить и жила недавно, что эта драма не была выдумана из головы, что это была интимная трагедия, сочащаяся живой кровью. Все заинтересовались именем героини, ее положением в обществе, успехом и шумом ее любовных приключений. Публика, которая хочет все знать и в конце концов все узнает, узнала мало-помалу все эти подробности, и кто прочел книгу, тот перечитывал ее снова, и, конечно, знание истины отразилось на интересе рассказа.

Так, по счастливой случайности, книга, отпечатанная с бесцеремонностью пустого романа, едва ли предназначенного прожить один день, теперь перепечатывается со всем почетом всеми признанной книги! Прочтите ее, и вы узнаете во всех подробностях трогательную историю, из которой богато одаренный молодой человек сделал элгию и драму с такими слезами, успехом и счастьем.

Жюль Женан

ДАМА С КАМЕЛИЯМИ

I

По моему мнению, можно создавать типы людей только после долгого их изучения, так же как можно говорить на каком-нибудь языке, лишь изучив его серьезно.

Я еще не в том возрасте, когда надо что-то выдумывать, и поэтому ограничусь пересказом.

Прошу читателя поверить в истинность событий, все действующие лица которых, за исключением героини, еще живы.

Кроме того, в Париже найдутся свидетели большинства происшествий, рассказанных здесь, и сумеют их подтвердить, если моего слова окажется мало. Благодаря особому случаю я один мог их описать, ибо только я знал многие подробности, без которых рассказ был бы неинтересен и неполон.

Вот как эти подробности стали мне известны. 12 марта 1847 года я прочел на улице Лаффит большое объявление о предстоящей распродаже мебели и предметов роскоши. Распродажа была назначена ввиду смерти владельца. В объявлении не была названа фамилия покойного, но был указан точный адрес и время: улица д'Антэн, дом № 9, шестнадцатого числа с двенадцати до пяти. Кроме того, было сказано, что тринадцатого и четырнадцатого желающие могут предварительно осмотреть мебель и квартиру.

Я всегда был любителем редкостей и решил не пропустить этого случая, и если не купить, то, по крайней мере, посмотреть вещи.

На следующий день я отправился на улицу д'Антэн.

Несмотря на ранний час, в квартире было уже много посетителей и даже посетительниц. Дамы, одетые в бархат, закутанные в шали и приехавшие в элегантных экипажах, рассматривали, однако, с удивлением и даже с восхищением роскошь, представшую их глазам.

Позднее я понял это восхищение и удивление: присмотревшись к окружающей обстановке, я легко догадался, что нахожусь

в квартире содержанки. Здесь были и светские дамы, а их больше всего на свете интересует домашняя обстановка женщин, экипажи которых каждый день забрызгивают грязью их экипажи, которые имеют так же, как и они, абонированные ложи в Большой Опере и в Итальянской и выставляют в Париже напоказ наглую роскошь своей красоты, своих драгоценностей и своих скандалов.

Та, у которой я сейчас находился, умерла, и самые добродетельные дамы могли проникнуть в ее квартиру. Смерть очистила воздух в этой блестящей клоаке, а кроме того, им служило извинением, если вообще нужно было извинение, то, что они пришли на аукцион, не зная, к кому они пришли. Они прочли объявление, хотели осмотреть вещи и заранее сделать выбор, все объяснялось очень просто, но это не мешало им разыскивать среди роскоши следы жизни куртизанки, о которой им, наверное, рассказывали много удивительного.

К несчастью, тайны умерли вместе с богиней, и дамы могли увидеть только то, что продавалось за смертью владелицы, а не то, что продавалось при ее жизни.

Однако выбор был большой. Обстановка была поразительная: мебель розового дерева и Буль, севрские вазы и китайские, саксонские статуэтки, атлас, бархат и кружева — все в изобилии.

Я расхаживал по квартире и следил за знатными посетительницами, которые пришли раньше меня. Они вошли в комнату, обтянутую ситцем. Я тоже собирался войти туда, как вдруг они вышли оттуда, улыбаясь и как бы стыдясь своего любопытства. Мой интерес к этой комнате только усилился. Это была уборная, снабженная всем необходимым. Детали эти особенно ярко говорили о расточительности покойной.

На большом столе у стены, столе в три фута ширины и шесть длины, сверкали все сокровища д'Окока и д'Одио. Это был великолепный подбор, и все эти бесчисленные предметы, необходимые при туалете такой женщины, были из серебра и золота. И собрана была эта коллекция, по-видимому, не сразу, а постепенно, как дань любви различных людей.

Я не приходил в смущение при виде уборной содержанки, и мне нравилось рассматривать все мелочи. Я обратил внима-

ние, что на всех этих прекрасных чеканных принадлежностях были различные инициалы и различные гербы.

Я рассматривал эти вещи, каждая из которых рассказывала мне о новом падении бедной девушки, и приходил к выводу, что Бог был милостив к ней, не дал дожить до обычного конца, позволил умереть среди роскоши и красоты, не дожидаясь старости, этой первой смерти куртизанок.

И действительно, как грустно видеть старость порока, особенно у женщины! В нем нет никакого достоинства, и он не вызывает никакого сочувствия. Отвратительно слышать это вечное сожаление не о дурно прожитой жизни, а о неверных расчетах и легкомысленно растроченных деньгах. Я знал одну старую проститутку, у которой от прошлого осталась только дочь, по словам ее современников, почти такая же красивая, как она сама. Эту бедную девушку звали Луизой. Мать постоянно напоминала ей, что она обязана заботиться о матери в старости, так же, как мать заботилась о ней в детстве, и, исполняя приказание матери, она отдавалась без всякой страсти, без удовольствия, как исполняла бы всякое другое ремесло, которому ее научили бы.

Постоянная жизнь среди разврата, разврата преждевременного, и постоянное болезненное состояние заглушили в этой девушке сознание добра и зла, которое, может быть, и было заложено в ней Богом, но развивать которое никому не приходило в голову.

Я никогда не забуду этой девушки, которая появлялась на бульварах почти каждый день, в одно и то же время. Ее мать сопровождала ее всегда, так же заботливо, как всякая другая мать сопровождает свою любимую дочь. Я был тогда очень молод и готов был примириться с легкой моралью нашего времени. Но отлично помню, что этот отвратительный надзор вызывал во мне презрение и негодование. К тому же ни у одной порядочной девушки не было такого выражения невинности и тихого страдания в лице. Это была как бы олицетворенная покорность.

Однажды лицо девушки просветлело. Среди разврата, которым руководила ее мать, грешнице показалось, что Бог явил ей милость. Но почему же Бог, который создал ее бессильной, не даст ей утешения в ее тяжелой и мрачной жизни? Однажды она почувствовала, что беременна, и все, что у нее оставалось

целомудренного, затрепетало от радости. В каждой душе есть свои противоречия. Луиза поспешила сообщить матери эту радостную новость. Стыдно сказать, но ведь мы делаем это не из любви к пороку, мы рассказываем истинное происшествие и, наверное, промолчали бы о нем, если бы не думали, что нужно время от времени раскрывать мучения этих созданий, которых осуждают, не выслушав, и презируют, не подвергнув суду. Стыдно сказать, но мать ответила дочери, что им обоим только-только хватает на жизнь и что такие дети всегда лишние, а безвременность — потерянное время.

На следующий день акушерка, подруга ее матери, пришла к Луизе. Луиза пролежала несколько дней в постели и встала еще более слабая и бледная, чем раньше.

Три месяца спустя какой-то господин проникся к ней жалостью и стал проявлять о ней заботу, но последнее потрясение было слишком сильным, и Луиза умерла от последствий искусственного выкидыша.

Мать еще жива; как она живет, один Бог знает.

Я вспомнил эту историю, рассматривая серебряные несесеры, и, по-видимому, сильно задумался. В комнате не осталось больше никого, кроме меня и сторожа, который, стоя у двери, внимательно наблюдал за мной.

Я подошел к сторожу, которому внушал недоверие.

— Не можете ли вы мне сказать, — спросил я, — кто жил здесь?

— Маргарита Готье.

— Как! — воскликнул я. — Маргарита Готье умерла?

— Да, сударь.

— Когда же?

— Кажется, недели три тому назад.

— А почему разрешили публике осматривать помещение?

— Кредиторы думают, что это только повысит цены. Можно заранее осмотреть мебель и обивку и выбрать по вкусу.

— У нее были долги?

— Очень много.

— Но аукцион покроет их?

— С излишком.

- А кому же достанется излишек?
- Ее семье.
- У нее есть родные?
- Кажется.
- Благодарю вас.

Сторож поклонился мне. Я ушел.

«Бедная девушка, — подумал я, возвращаясь домой, — не-весело было ей умирать. В ее кругу имеют друзей только тогда, когда все идет хорошо». И невольно мне стало жаль Маргариту Готье.

Многим покажется, может быть, смешным, но я питаю чрезмерную снисходительность к проституткам и даже не намерен в этом оправдываться.

Однажды я шел в полицию за паспортом и видел, как двое жандармов вели по улице девушку. Я не знаю, что сделала эта девушка, знаю только, что она обливалась слезами, целуя грудного ребенка, от которого ее отрывали. С тех пор я не могу презирать женщину с первого взгляда.

II

Аукцион был назначен на шестнадцатое. Был оставлен свободный день между осмотром и аукционом, чтобы дать время обойщикам снять занавеси, обивку и так далее.

Я недавно вернулся из путешествия. Вполне естественно, что мне не сообщили о смерти Маргариты. Это была не та новость, которую друзья обычно сообщают возвращающемуся домой, в столицу. Маргарита была красива, но насколько шумна жизнь этих женщин, настолько тиха их смерть. Эти светила восходят и заходят без блеска. Когда они умирают молодыми, об их смерти узнают все их любовники одновременно, потому что в Париже почти все любовники известной кокотки живут одной жизнью. Они обмениваются воспоминаниями и продолжают свою жизнь дальше, не пролив ни единой слезы.

В наше время двадцатипятилетние молодые люди редко проливают слезы и не могут оплакивать первую встречную. Оплакивают только родителей, которые платят за слезы, и в зависимости от суммы, которую они уплатили.

Что касается меня, то, хотя моих букв и не было на туалетных принадлежностях Маргариты, инстинктивная снисходительность, естественная жалость, в которой я только что признался, заставляли меня думать о ее смерти дольше, чем она этого, может быть, заслуживала.

Я вспомнил, что часто встречал Маргариту на Елисейских полях, куда она ездила каждый день в маленькой синей карете, запряженной парой великолепных гнедых лошадей. Я отметил в ней тогда одну черту, несвойственную ей подобным, черту, которая как бы подчеркивала ее воистину исключительную красоту.

Эти несчастные создания, появляясь на улице, всегда окружены всяким сбродом.

Ни один мужчина не согласится афишировать подругу своих ночных наслаждений, но так как проститутки боятся одиночества, то они берут с собой на прогулку или менее счастливых подруг, не имеющих собственных выездов, или старых кокоток, все еще заботящихся о своей внешности, к которым свободно можно обратиться за справками относительно их спутницы.

Маргарита держалась иначе. Она приезжала на Елисейские поля всегда одна в своем экипаже, старалась не привлекать к себе внимания, зимой куталась в большую шаль, летом носила простые платья, и, хотя по дороге встречала много знакомых, ее улыбку видели только они, и только герцогиня могла бы так улыбаться.

Она не гуляла по кругу в начале Елисейских полей, как это делают и делали все ее товарки. Лошади быстро уносили ее в лес. Там она выходила из экипажа, гуляла в продолжение часа, вновь садилась в экипаж и возвращалась домой.

Я вспоминал все эти мелочи, очевидцем которых иногда бывал, и оплакивал смерть этой девушки, как оплакивают гибель прекрасного произведения искусства.

Вряд ли можно было встретить более приятную красоту, чем красота Маргариты.

Она была высокого роста и очень худощава, но свой физический недостаток искусно скрывала под складками платья. Ее длинная шаль, концы которой спускались до земли, лежала

на широких оборках шелкового платья, а пушистая муфта, в которую она прятала руки, прижимая ее к груди, искусно была окружена воланами.

Представьте себе на чудном овале лица черные глаза и над ними такой четкий изгиб бровей, как будто нарисованный, окаймлите глаза длинными ресницами, которые бросают тень на розовые щеки, нарисуйте тонкий, прямой нос с чувственными ноздрями, набросайте правильный ротик, прелестные губки которого прикрывают молочно-белые зубы, покройте кожу бархатистым пушком — и вы получите полный портрет этой очаровательной головки.

Волосы, черные как смоль, были уложены так, что оставляли открытыми кончики ушей, в которых сверкали два бриллианта, каждый ценою в четыре-пять тысяч франков.

Мы можем только констатировать факт, совершенно его не понимая, что чувственная жизнь не лишила лицо Маргариты девственного и даже детского выражения.

У Маргариты был ее портрет, написанный Видалем¹, единственным человеком, чей карандаш мог ее передать. После смерти Маргариты этот портрет был несколько дней в моем распоряжении. Он был так удивительно похож, что помог мне восстановить детали, которых моя память не удержала.

Некоторые мелочи, о которых я говорю в этой главе, стали мне известны много позднее, но я пишу о них сейчас, чтобы не возвращаться к ним позднее, когда начнется история жизни этой женщины.

Маргарита бывала на всех первых представлениях и все вечера проводила в театрах и на балах. Каждый раз, когда давалась новая пьеса, ее наверняка можно было встретить в театре с тремя вещами, с которыми она никогда не расставалась и которые всегда лежали на барьере ее ложи бенуара: с лорнетом, коробкой конфет и букетом камелий.

¹ Винсент Видаль (1812—1887) пользовался в 1840-х гг. большой известностью благодаря своим портретам, идеальным головкам и пастельным работам; однако мода на него прошла очень скоро, так как в его стиле было много слащавости.

В течение двадцати пяти дней каждого месяца камелии были белые, а остальные пять дней они были красные: никому не известна была причина, почему цветы менялись, и я говорю об этом, не пытаюсь найти объяснения, но завсегда таи тех театров, где она часто бывала, и ее друзья заметили это тоже.

Маргарита никогда не появлялась с другими цветами. В цветочном магазине мадам Баржон, где она всегда брала цветы, ее прозвали в конце концов «дамой с камелиями», и это прозвище осталось за ней.

Я знал, конечно, как и все, кто вращается в известных кругах Парижа, что Маргарита была любовницей самых изящных молодых людей, что она открыто об этом говорила и что они сами этим хвастались. Это доказывало, что и любовники и любовница были довольны друг другом.

Однако последние три года, после путешествия в Баньер, по слухам, у нее была связь только с одним старым иностранцем герцогом, необыкновенно богатым, который старался оторвать ее от прошлого, на что она довольно охотно шла.

Вот что мне рассказывали по этому поводу.

Весной 1842 года Маргарита была так больна, что врачи послали ее на воды, и она поехала в Баньер.

Там среди больных была и дочь герцога. Они с Маргаритой были так похожи, что их можно было принять за сестер. Только молодая герцогиня была в последней стадии чахотки и через несколько дней после приезда Маргариты умерла.

Однажды утром герцог, который оставался в Баньере как на кладбище, где была похоронена часть его сердца, встретил Маргариту на повороте аллеи.

Ему показалось, что это тень его дочери. Подойдя к ней, он взял ее за руки, обнял, рыдая, и, еще не узнав, кто она, просил у нее позволения встречаться с ней. Для него она была воплощением образа его покойной дочери.

Маргарита была в Баньере лишь со своей горничной и потому не боялась скомпрометировать себя.

В Баньере, однако, нашлись люди, которые знали ее и официально предупредили герцога о социальном положении мадемуазель Готье. Это было ударом для старика, но было уже поздно.

Молодая женщина стала потребностью его сердца и единственной целью жизни.

Он не упрекал ее, да и не имел на то права, но спросил, способна ли она изменить свою жизнь, предложив взамен какое угодно вознаграждение. Она обещала.

Нужно сказать, что в это время Маргарита была больна. Но ей, человеку впечатлительному, казалось, что главной причиной ее болезни было прошлое, и какое-то суеверное чувство заставляло ее надеяться, что Бог оставит ей красоту и здоровье в награду за раскаяние и исправление.

И действительно, воды, прогулки, естественная усталость и сон к концу лета восстановили ее силы.

Герцог сопровождал Маргариту в Париж, где он продолжал навещать ее.

Эта связь, о которой никто толком ничего не знал, произвела большое впечатление, потому что герцог был известен своим богатством, а теперь стал известен своей расточительностью.

Сближение старого герцога с молодой женщиной объясняли распущенностью, свойственной богатым старикам. Строили различные догадки, кроме единственно правильной.

А меж тем чувства этого старого человека к Маргарите носили такой целомудренный характер, что всякое другое отношение к ней показалось бы ему кровосмешением, и ни разу он не сказал ей ничего такого, что не могла бы слышать его дочь.

Нам чужды намерения придавать нашей героине несвойственный ей облик. Мы должны отметить, что, пока она была в Баньере, обещание, данное герцогу, сдержать было нетрудно, и она его сдержала, но по возвращении в Париж этой девушке, привыкшей к рассеянной жизни, к балам, даже к оргиям, стало казаться, что одиночество, нарушаемое только периодическими визитами герцога, заставит ее умереть от скуки, и жгучее дыхание прошлой жизни ударило ей в голову и в сердце.

Прибавьте к этому, что Маргарита вернулась еще более красивой, чем раньше, что ей было двадцать лет и что болезнь, усыпленная, но не сломленная окончательно, по-прежнему рождала в ней обостренную жажду жизни, которой почти всегда сопровождаются легочные заболевания.

Герцогу было очень тяжело, когда его друзья, неустанно выжидавшие скандала со стороны молодой женщины, связь с которой, по их словам, его компрометировала, донесли ему, что, когда она уверена в своей безопасности, она принимает посетителей и что эти посещения продолжаются часто до следующего утра.

Герцог спросил Маргариту, она созналась и без всякой задней мысли посоветовала ему перестать интересоваться ею, так как у нее нет сил сдерживать свое обещание и ей не хочется больше принимать благодеяния от человека, которого она обманывает.

Герцог не показывался в течение недели, и это было все, что он мог сделать, а на восьмой день он умолял Маргариту впустить его, обещая принять ее такой, какова она есть, лишь бы ему позволено было ее видеть, и клянясь, что до самой смерти он ей не сделает ни одного упрека.

Вот как обстояло дело через три месяца после возвращения Маргариты, другими словами, в ноябре или декабре 1842 года.

III

Шестнадцатого, в час дня, я отправился в улицу д'Антэн.

Уже у входной двери были слышны голоса.

Квартира была полна любопытных.

Там были все звезды пышного порока, с любопытством изучаемые несколькими светскими дамами, которые снова воспользовались аукционом, чтобы присмотреться к женщинам, с которыми они никогда не имели бы случая встретиться и легким радостям которых они, может быть, втайне завидовали.

Герцогиня Ф. стояла бок о бок с мадемуазель А., одним из печальнейших явлений в среде наших куртизанок; маркиза Т. колебалась, купить или не купить ей вещь, на которую надбавляла цену мадам Д., самая роскошная и самая известная кокетка; герцог И., о котором в Мадриде говорили, что он разоряется в Париже, а в Париже, что он разоряется в Мадриде, и который все-таки не мог истратить даже своего годового дохода, разговаривал с мадам М., одной из наших самых умных рассказчиц, которая время от времени печатала рассказы за своей подписью, и обменивался дружескими взглядами с мадам N., прекрасной завсегдатайкой Елисейских полей, почти всегда одетой

в розовое или голубое; ее карета запряжена парой рослых черных лошадей, которых Тони продал ей за десять тысяч франков и... которые она ему заплатила; наконец, мадемуазель Р., которая при помощи только своего таланта достигла вдвойне против того, чего достигают светские женщины при помощи своего приданого, и втройне против того, чего другие достигают при помощи любви, пришла, несмотря на холод, сделать несколько покупок, и на нее было устремлено немало взоров.

Мы могли бы назвать инициалы еще многих людей, собравшихся в этих гостиных и очень удивленных общей встречей, но боимся утомить читателя.

Скажем только, что всем было безумно весело и среди тех, кто находился здесь, многие знали покойную, но, по-видимому, не вспоминали ее.

Смеялись громко, оценщики кричали до потери голоса, торговцы, которые заполнили все скамьи перед главным столом, тщетно старались восстановить тишину, чтобы в тишине обделывать свои дела. Никогда не было такого шумного и пестрого собрания.

Я медленно шел среди этого неуместного шума, помня, что рядом, в соседней комнате, умерла несчастная женщина, мебель которой продавали за долги.

Целью моего прихода были не столько покупки, сколько наблюдение, и поэтому я наблюдал физиономии поставщиков, которые устроили аукцион. Каждый раз, когда какой-нибудь предмет неожиданно повышался в цене, их лица расплывались в улыбке.

«Честные» люди, которые строили свои расчеты на продаже этой женщины самой себя, которые зарабатывали на ней сто на сто, которые преследовали ее своими векселями в последние минуты жизни, пришли после ее смерти пожать плоды своих «честных» расчетов и получить проценты за свой постыдный кредит.

Насколько правы были древние, установив одного общего Бога для торговцев и для воров!

Платья, шали, драгоценности продавались с неслыханной быстротой. Эти вещи мне были ни к чему, и я ждал.

Вдруг я услышал крик:

— Книга в прекрасном переплете, с золотым обрезом, под заглавием «Манон Леско»¹. На первой странице есть надпись. Десять франков.

— Двенадцать, — сказал кто-то после продолжительного молчания.

— Пятнадцать, — сказал я. Почему? Не знаю. Вероятно, из-за надписи.

— Пятнадцать, — повторил оценщик.

— Тридцать, — возразил первый покупатель таким тоном, будто он не допустит надбавки.

Дело принимало характер борьбы.

— Тридцать пять! — крикнул я.

— Сорок.

— Пятьдесят.

— Шестьдесят.

— Сто.

Признаюсь, если бы я хотел произвести сильное впечатление, я вполне достиг этого; кругом воцарилось глубокое молчание, и все смотрели на меня, желая разглядеть, кто так добивается этой книги.

По-видимому, тон, которым я произнес последнее слово, подействовал на моего противника: он предпочел прекратить этот торг, в результате я должен был заплатить за книжку в десять раз дороже ее стоимости и, поклонившись, сказал очень любезно, но, к сожалению, немного поздно:

— Я уступаю.

Возражений не последовало, и книга осталась за мной.

Опасаясь, что самолюбие снова заведет меня далеко и нанесет ущерб моему кошельку, я записал свое имя и ушел. Должно быть, свидетелям этой сцены я подал повод к бесконечным догадкам: их интересовало, вероятно, почему я заплатил сто

¹ «Манон Леско» Антуана Франсуа Прево (1697—1763). Полное название романа — «История кавалера де Гриё и Манон Леско». Считается одним из первых в истории литературы психологических романов о природе любви, страсти. Впервые опубликован в 1731 году.

франков за книгу, которую мог повсюду купить за десять, самое большое — за пятнадцать.

Через час я послал за своей покупкой. На первой странице было написано чернилами красивым почерком несколько слов от того, кто подарил эту книгу. Надпись была коротенькая:

*Маргарите
Смиренная Манон.*

А внизу подпись: «*Арман Дюваль*».

Что значило это слово «смиренная»?

В чем признавала Манон, по мнению Армана Дюваля, превосходство Маргариты: в разврате или в благородстве души?

Второе толкование казалось более правдоподобным, первое было бы только наглой откровенностью, которую не приняла бы Маргарита, несмотря на свое мнение о себе.

Я взял в руки эту книгу только вечером, перед сном.

Я очень хорошо знаю трогательную историю Манон Леско, но всякий раз, когда мне попадается в руки эта книга, меня влечет к ней, я открываю ее и в сотый раз переживаю жизнь героини аббата Прево. Эта героиня так правдоподобна, что мне кажется, будто я ее знаю. На этот раз постоянная параллель между Маргаритой и Манон придавала чтению неожиданную привлекательность, и к моей снисходительности присоединялась жалость, почти любовь к бедной девушке, по наследству от которой я получил этот томик. Манон умерла в пустыне, это верно, но на руках человека, который любил ее всеми силами души, который вырыл для мертвой могилу, оросил ее своими слезами и схоронил в ней свое сердце, а Маргарита, такая же грешница, как Манон, может быть так же раскаявшаяся, как и та, умерла среди пышной роскоши, если верить тому, что я видел, на ложе своего прошлого, но и среди пустыни сердца, более бесплодной, более необъятной, более безжалостной, чем та, в которой была погребена Манон.

И действительно, как я узнал от своих друзей, осведомленных о последних днях ее жизни, Маргарита не слышала у своего изголовья искреннего утешения в продолжение двух месяцев, пока тянулась ее медленная и мучительная агония.

Потом от Манон и Маргариты моя мысль перенеслась к тем, которых я знал и которые с песнями шли по дороге к смерти, почти всегда одинаково печальной.

Бедные создания! Если нельзя их любить, то можно пожалеть. Вы жалеете слепого, который никогда не видел дневного света, глухого, который никогда не слышал голосов природы, немого, который никогда не мог передать голос своей души, и из чувства стыда не хотите пожалеть слепоту сердца, глухоту души и немоту совести, которые делают несчастную страдальицу безумной и помимо ее воли неспособной видеть хорошее, слышать Господа Бога и говорить на чистом языке любви и веры.

Гюго написал Марион Делорм, Мюссе — Бернеретту, Александр Дюма — Фернанду, мыслители и поэты всех времен приносили куртизанкам дары своего сострадания, а иногда какой-нибудь великий человек реабилитировал их своей любовью и даже своим именем... Я так настаиваю на этом потому, что среди тех, кто будет меня читать, многие, может быть, уже готовы бросить мою книгу, так как боятся найти в ней аполлогию порока и проституции, а возраст автора только усиливает это опасение. Пусть те, кто так думает, сознают свою ошибку, и пусть они продолжают чтение, если их удерживал только этот страх.

Я убежден в одном: для женщины, которую не научили добру, Бог открывает два пути, которые приводят ее к нему: это — путь страдания и путь любви. Они трудны, те, кто на него вступает, натирают себе до крови ноги, раздирают руки, но в то же время оставляют на придорожных колючках клочья одежды и подходят к цели в той наготе, которой не стыдятся перед Создателем.

Те, кто встречает этих путниц, должны их поддержать и сказать всем, что они их встретили, ибо, сказав об этом, они другим указывают путь.

Речь идет не просто о том, чтобы поставить при входе в жизнь два столба с надписью на одном: «Путь к добру» и с предупреждением на другом: «Путь ко злу» и сказать тем, кто является: «Выбирайте!»

Нужно указывать тем, кто уклонился в сторону дорог, которые ведут со второго пути на первый, и нужно постараться,

чтобы начало этого пути не было очень тяжелым и не казалось непреодолимым.

Зачем нам быть такими строгими? Зачем нам упорно держаться взглядов того общества, которое представляется жестоким, чтобы его считали сильным, и отталкивать души, истекающие кровью от ран, через которые, как дурная кровь, испаряется зло их прошлого, и ожидающие дружеской руки, которая их перевяжет и даст их сердцу исцеление?

Я обращаюсь к моему поколению, к тем, которые, подобно мне, понимают, что человечество за последние пятнадцать лет сделало один из наиболее смелых скачков. Вера вновь возрождается, к нам возвращается уважение к справедливости, и если мир не стал совершенным, то он стал по крайней мере лучше. Усилия всех умных людей клонятся к одной цели, и все сильные воли заражены одним желанием: будем добры, будем молоды, будем правдивы! Зло есть суета, будем гордиться добром, а главное, не будем приходить в отчаяние. Не будем презирать женщину, которая не называется ни матерью, ни сестрой, ни дочерью, ни женой. Не будем ограничивать уважение семьей, снисхождение — эгоизмом. Небо больше радуется одному раскаявшемуся грешнику, чем ста праведникам, которые никогда не согрешили. Постараемся же порадовать небо. Оно воздаст нам сторицей. Будем раздавать на своем пути милостыню нашего прощения тем, кого погубили земные страсти, и, как говорят добрые старые женщины, когда они предлагают лекарство собственного изобретения, если это и не поможет, то во всяком случае не повредит.

Конечно, может показаться очень смелым с моей стороны ожидать таких великих результатов от моего труда, но я принадлежу к тем, кто верит, что все большое может быть заключено в малом. Ребенок заключает в себе будущего взрослого: мозг тесен, но в нем сокрыта мысль; глаз — точка, но он обнимает пространства.

IV

Через два дня аукцион был закончен. Он дал сто пятьдесят тысяч франков.

Кредиторы разделили между собой две трети, а семья, состоявшая из сестры и племянника, унаследовала остальное.

Сестра сделала большие глаза, когда нотариус известил ее, что ей досталось наследство в пятьдесят тысяч франков.

Шесть-семь лет эта девушка не видела сестру, которая однажды исчезла и с тех пор не давала о себе знать.

Она поспешно приехала в Париж, и велико было удивление тех, кто знал Маргариту, когда они увидели в лице ее единственной наследницы толстую и красивую деревенскую девушку, ни разу до тех пор не выезжавшую из деревни.

Ее будущее было обеспечено одним взмахом пера, и она даже не знала, из какого источника пришло к ней это неожиданное благополучие.

Она снова вернулась, как мне рассказывали, к себе в деревню, очень опечаленная смертью сестры. Утешение, однако, могли дать ей деньги и проценты от них.

Все эти подробности живо интересовали Париж — очаг скандалов, но мало-помалу стали забываться, и я тоже начал было забывать свое участие в этих событиях, как вдруг новое происшествие раскрыло передо мной всю жизнь Маргариты и показало мне такие трогательные подробности, что у меня явилось желание написать этот рассказ, и я его написал.

Уже три или четыре дня, как квартира была освобождена от проданной мебели и сдавалась внаем, когда однажды утром ко мне пришел посетитель.

Мой слуга, или, вернее, швейцар, который мне прислуживал, вышел на звонок, принес карточку и сказал, что какой-то господин желает меня видеть.

Взглянув на карточку, я прочел там два слова: Арман Дюваль. Я старался вспомнить, где уже видел это имя, и вспомнил первую страницу книги «Манон Леско».

Что нужно от меня человеку, который подарил эту книгу Маргарите? Я велел немедленно просить посетителя.

Вошел белокурый молодой человек, высокого роста, бледный. Он был одет в дорожный костюм, который, по-видимому, не снимал несколько дней и не почистил даже по приезде в Париж.

Господин Дюваль был очень взволнован и не старался скрыть свое волнение. Он обратился ко мне со слезами на глазах и с дрожью в голосе:

Содержание

АЛЕКСАНДР ДЮМА-СЫН	5
Мари Дюплесси (<i>Жюль Женан</i>)	5
ДАМА С КАМЕЛИЯМИ	17
АЛЕКСАНДР ДЮМА-ОТЕЦ	194
Дюма, его жизнь и творчество (<i>А. И. Куприн</i>)	194
ПРЕДВОДИТЕЛЬ ВОЛКОВ	215
Кто такой Мокэ и как эта история стала известна тому, кто ее рассказывает	215
Глава 1. Обер-егермейстер его сиятельства	237
Глава 2. Господин и башмачник	246
Глава 3. Анелетта	256
Глава 4. Черный волк	265
Глава 5. Договор	274
Глава 6. Волос дьявола	282
Глава 7. Парень с мельницы	291
Глава 8. Разговор с мельничихой	299
Глава 9. Вожак волков	306
Глава 10. Бальи Маглуар	314
Глава 11. Давид и Голиаф	322
Глава 12. Два волка в одной овчарне	333
Глава 13. В которой доказывается, что женщина красноречивее всего тогда, когда молчит	346
Глава 14. Деревенская свадьба	357
Глава 15. Сеньор Вонарфон	365
Глава 16. Субретка знатной дамы	372
Глава 17. Граф де Мон-Гобер	381
Глава 18. Смерть и воскресение	389
Глава 19. Кто жив и кто умер?	395
Глава 20. Верна слову	403
Глава 21. Дух зла	413
Глава 22. Последнее желание Тибо	425
Глава 23. Годовщина	431
Глава 24. Бешеная охота	437

Літературно-художнє видання
Серія «Шедеври світової класики»

ДЮМА Александр, син, ДЮМА Александр, батько
Дама з камеліями. Ватажок вовків
Романи
(російською мовою)

Керівник проекту *В. А. Тютюнник*
Відповідальний за випуск *Т. М. Куксова*
Художній редактор *А. О. Попова*
Технічний редактор *В. Г. Євлахов*
Коректори *І. Л. Д'яченко, О. О. Григор'єва*

Підписано до друку 17.05.2019. Формат 84x108/32. Друк офсетний.
Гарнітура «Literaturna». Ум. друк. арк. 23,52. Наклад 3300 пр. Зам. №

Книжковий Клуб «Клуб Сімейного Дозвілля»
Св. № ДК65 від 26.05.2000
61140, Харків-140, просп. Гагаріна, 20а
E-mail: cop@bookclub.ua

Віддруковано у ПРАТ «Харківська книжкова фабрика "Глобус"»
61052, м. Харків, вул. Різдва, 11.
Свідоцтво ДК № 3985 від 22.02.2011 р.
www.globus-book.com

Литературно-художественное издание
Серия «Шедевры мировой классики»

ДЮМА Александр, сын, ДЮМА Александр, отец
Дама с камелиями. Предводитель волков
Романы

Руководитель проекта *В. А. Тютюнник*
Ответственный за выпуск *Т. Н. Куксова*
Художественный редактор *А. О. Попова*
Технический редактор *В. Г. Евлахов*
Корректоры *И. Л. Дьяченко, О. О. Григорьева*

Подписано в печать 17.05.2019. Формат 84x108/32. Печать офсетная.
Гарнитура «Literaturna». Усл. печ. л. 23,52. Тираж 3300 экз. Зак. №

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»
Св. № ДК65 от 26.05.2000
61140, Харьков-140, просп. Гагарина, 20а
E-mail: cop@bookclub.ua

Отпечатано в ПРАТ «Харківська книжкова фабрика "Глобус"»
61052, г. Харьков, ул. Рождественская, 11.
Свидетельство ДК № 3985 от 22.02.2011 г.
www.globus-book.com

УКРАИНА

- по телефону справочной службы
(050) 113-93-93 (МТС); (093)170-03-93 (life)
(067) 332-93-93 (Киевстар); (057) 783-88-88
- на сайте Клуба: **www.bookclub.ua**
- в сети фирменных магазинов см. адреса на сайте Клуба или по QR-коду

Для оптовых клиентов

Харьков

тел./факс +38(057)703-44-57
e-mail: trade@ksd.ua

Киев

тел./факс +38(067)575-27-55
e-mail: kyiv@ksd.ua

**Приглашаем к сотрудничеству
авторов**

e-mail: publish@ksd.ua

**Приглашаем к сотрудничеству художников,
переводчиков, редакторов**

e-mail: editor@ksd.ua

Чи є в Парижі гарніша від неї жінка? Хтось, до чиїх витончених ніжок падають найбагатші і найшляхетніші чоловіки? Чи є в цілому світі особа, принагідніша від Маргарити — чарівної куртизанки й істинної німфи? І юний Арман Дюваль не зміг встояти перед її янгольською красою. І старий, але заможний барон не зміг... Один готовий дати їй справжнє кохання. Інший — розкіш і багатство. Чого забажає душа куртизанки? І кого вибере її серце?.. («Дама з камеліями»)

Ця історія почалася давно. Колись до черевичника Тібо прийшов чорний вовк. То був сам диявол. Черевичник продав йому душу, щоб виконати всі свої бажання. Навіть гадки не маючи, чого це коштуватиме... («Ватажок вовків»)

ДЮМА А., сын, ДЮМА А., отец

Д96 Дама с камелиями. Предводитель волков : романы / Александр Дюма-сын, Александр Дюма-отец ; пер. с фр. С. Антик, Е. Еременко. — Харьков : Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 2019. — 448 с. — (Серия «Шедевры мировой классики», ISBN 978-617-12-4211-1).

ISBN 978-617-12-6278-2

Есть ли в Париже женщина прекраснее? Кто-то, к чьим изящным ножкам падают богатейшие и знатнейшие мужчины? Есть ли в целом мире особа притягательнее Маргариты — очаровательной куртизанки и истинной нимфы? И юный Арман Дюваль не смог устоять перед ее ангельской красотой. Так же, как старый, но состоятельный барон... Один готов дать ей истинную любовь. Другой — роскошь и богатство. Чего желает душа куртизанки? И кого выберет ее сердце?.. («Дама с камелиями»)

Эта история началась давно. Когда-то башмачнику Тибо явился черный волк. То был сам дьявол. Башмачник продал ему душу, чтобы исполнить все свои желания. Еще не ведая, чего ему это будет стоить... («Предводитель волков»)

УДК 821.133.1